

ИНЕССА ПЛЕСКАЧЕВСКАЯ

Развенчиваем мифы, разбираем стереотипы.
Все о сложном, бурном, разнообразном,
стремительном и устремленном Китае

ЭТИ ЗАГАДОЧНЫЕ СТРАНЫ

Инесса Николаевна Плескачевская

Удивительный Китай

Серия «Эти загадочные страны»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67101630

Удивительный Китай / Инесса Плескачевская: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-117474-3

Аннотация

Автор – Инесса Плескачевская – прожила в Китае двенадцать лет, на страницах этой книги она делится с читателем своим опытом погружения в настоящую жизнь Поднебесной.

Что такое Китай? Язык, в котором четыре тона, и в зависимости от того, каким из них ты произнесешь, например, слог «ма», он будет иметь четыре значения – от «мамы» до «лошади». «Почитание родителей» – тот камень, на котором китайское общество стоит более двух тысячелетий. Без уважения к родителям, старшим членам семьи не было бы Китая, но в последние годы этот основополагающий принцип дал трещину. Чем это грозит и как реагирует общество?

Инесса разбирает все аспекты жизни в Китае – еда, мода, рынки, товары и услуги, а также особенности образования, своеобразное взаимоотношение полов, умение уважать начальство – все, что кажется европейцу необычным. У нас разный не только менталитет, но даже физиология (об

этом в книге тоже есть). Но, возможно, узнав об обычаях и взглядах китайцев, вы не только обогатитесь знаниями, но сможете пересмотреть и перестроить и свою жизнь. Ведь главное, чему научила автора книги жизнь в Китае, – никогда не сдаваться и не бояться крутых поворотов, дала понимание того, что счастье живет внутри каждого из нас.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

О чем мы на самом деле думаем, когда думаем о Китае?	5
Мы у них	14
Блондинка в Пекине. Всегда приключение	15
Никогда не стать своим	15
Меня зовут лаовай	20
Женщина или красавица?	22
В личное пространство вход разрешен	26
Журналистика с китайской спецификой	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Инесса Плескачевская

Удивительный Китай

**О чем мы на самом деле
думаем, когда думаем о Китае?**

В Китае я прожила 12 лет. Вроде бы и много, но достаточно ли для того, чтобы понять страну и людей, постигнуть

китайскую душу – такую же загадочную, непонятную и таинственную, как любая другая чужая душа? Иногда мне кажется, что если я и не знаю о Китае все, то точно его понимаю. А иногда кажется, что как будто и не жила там: китайская душа так и осталась потемками.

Все эти годы я много писала о Китае – статей, заметок, мы снимали телевизионные репортажи и документальные фильмы. Я хотела рассказать о том Китае, который узнала и полюбила. Мне было важно разрушить стереотипы, потому что мои собственные разбивались с оглушительным грохотом. Мне все еще хочется именно этого – избавлять от стереотипов, хотя многие живучи, а некоторые правдивы.

На мой восьмой год в Китае я попросила своих читателей, друзей и знакомых написать о том, какие ассоциации вызывает у них слово «Китай», что первым приходит в голову, когда они слышат название этой страны. Я хотела понять, как сильно на нас влияют привычные шаблоны, потому что постоянно сталкиваюсь с дремучими стереотипами в отношении Китая. Я устала отвечать на вопрос, наелись ли китайцы досыта или по-прежнему питаются собаками. (Ответ: наелись, но собаками все же, бывает, питаются – одно не противоречит другому). Я устала объяснять, что современный Китай – это вовсе не горсточка риса и Мао портрет (хотя и рис, и портрет Мао Цзэдуна имеют место). Потому что очень часто, когда в дискуссии спрашиваю: «А когда вы в последний раз были в Китае?», мне отвечают: «Не был, и не соби-

раюсь, и так знаю, что страна отсталая». Непробиваемый аргумент. А вот мои друзья, в первый раз попавшие в Шанхай в 2003 году, были так ошеломлены, что только и смогли вымолвить: «Мы отстали от них навсегда».

С чего можно начать словарь, построенный на ассоциациях людей, никогда не бывавших в Китае или бывавших одну короткую неделю? Начнем, пожалуй, с буквы М – мне кажется, что правильнее всего начать с самой распространенной ассоциации. Вот как о ней написала Галина Ю.: «Читаю сейчас Вербера «День муравья». Так вот, Китай и китайцы напоминают мне муравейник и муравьев. Такие же маленькие, трудолюбивые, многочисленные, со своим менталитетом, жесткой дисциплиной и древней цивилизацией. А еще – вызывающие чувство опасности. Видимо, потому, что я их не знаю, а их слишком много, и они очень напористые». Ей вторит Дмитрий О., определяющий Китай двумя словами: «Муравьиный коммунизм».

Этой ассоциации много десятилетий. Образ массы людей, одетых в бесполое синие или серые костюмы, шагающих через проходные многочисленных фабрик и заводов, прочно засел в нашем сознании. Вроде и одеваются китайцы сейчас разнообразнее, и лицами повеселели, но нас не проведешь: однажды решили, что муравейник, – значит муравейник навсегда. И хотя я противник шаблонов и любитель развенчивать стереотипы, должна признать: в этой ассоциации много правды.

Как утверждают энциклопедии, муравьи распространены по всему миру, за исключением Антарктиды. У Китая и в Антарктиде есть научно-исследовательская станция, называется «Чанчэн» (Великая стена – кстати, это вторая по распространённости ассоциация с Китаем). Муравьи – и это удивительный факт – составляют от 10 до 25 % всей наземной биомассы нашей планеты. Из 7 миллиардов землян китайцев 1,3 миллиарда – почти 19 %: вполне сопоставимая цифра.

Муравьи, если вы вдруг не в курсе, считаются «наиболее эволюционно продвинутым семейством насекомых», а их «успех во многих средах обитания обусловлен социальной организацией и способностью изменять место обитания и использовать разнообразные ресурсы». Если во второй части изменить слово «муравьи» на «китайцы», смысл останется прежним. За тысячелетия китайцы научились выживать в любых условиях, по моему глубокому убеждению, это вечный народ (кстати, такую ассоциацию тоже прислали). Китайцы выживают в любом климате, при любом политическом строе, в войну и мир. Испытания делают их сильнее и злее, мирные победы кружат голову – именно это произошло после грандиозного успеха летней Олимпиады 2008 года в Пекине и ЭКСПО-2010 в Шанхае. Зимняя Олимпиада 2022 года снова пройдет в Пекине, и снова, я в этом уверена, будет головокружение от успеха. Потому что и успех будет, в этом я не сомневаюсь, несмотря на сложную эпидемиологию.

ческую обстановку в мире. Сегодня значительная часть китайцев убеждена, что, как и муравьи, они «наиболее эволюционно продвинуты». Я, как и многие мои коллеги, с которым мы активно обсуждали эту тему, смотрю на это с опаской: чувство собственного превосходства маленькой нации вызывает улыбку, большой – тревогу.

Светлана С. говорит, что когда думает о Китае, представляет себе «масштабность, терпение, умение ждать веками, многомиллионную армию одетых в одинаковое людей, семейственность». Насчет армии работников (или армии муравьев-тружеников, если вам так больше нравится) пишут многие: «Много работают, наполнили всю землю...», «Много и тяжело работающая дешевая рабочая сила», «Очень трудолюбивый народ... Респект».

Знаете, по моим многолетним наблюдениям, любовь китайцев к труду – один из самых распространенных мифов. На самом деле, если есть возможность не работать, китаец не работает. Другой вопрос, что в Китае поговорка «кто не работает, тот не ест» – суровая правда в самом прямом смысле. Именно потому, что их так много, конкуренция беспощадна, и если у тебя нет работы, то и ничего нет – ни семьи, ни детей: чтобы жениться, надо дом иметь, а заработать его – не самая простая задача. А вот без детей совсем плохо: как предкам в глаза смотреть, если род не продолжил? Так что работа для китайца во многом – действительно смысл жизни. Но в значительной степени – вынужденный.

Ирина Б., когда-то побывшая в Китае, пишет: «Так как моя мама наполовину китаянка, мне было безумно интересно.

Мама рассказывала, да я и сама вижу, насколько китайцы терпеливы, трудолюбивы, трудоспособны и простодушны. Когда мы ходили на рынок, то видели продавцов только в двух состояниях – едящими или спящими». Едящими – потому что это главная радость в жизни, поесть китайцы очень любят, а спящими – потому что устают сильно и используют любую возможность отдохнуть. Способность китайцев засыпать крепким младенческим сном на самых неподходящих поверхностях не перестает удивлять. Много раз видела, как они кладут голову на бордюр, размещаясь прямо на асфальте в теплое время года.

Иностранцы, которые приезжают в Китай не «посмотреть», а пожить, делятся как минимум на две категории: которые хотели и готовились, и те, у которых «так получилось». Те, кто стремились, читали книги об истории и традициях, уверялись в наличии сакрального знания, по приезду хотят скорее побывать в Тибете или – в крайнем, конечно, случае – в Шаолине. Их легко узнать по выражению лица «не верю!» (в свое счастье, неужели я действительно здесь?). Некоторые умудряются сохранить это выражение удивления и еще более удивленное отношение к Китаю на год, два и даже дольше, но таких меньшинство, и спустя несколько лет выглядят они... скажем так, странно. Вот не далее как пару

дней назад одна молодая женщина из Беларуси сказала мне: «Я уже два года живу в Шанхае и не перестаю испытывать оргазм от этого города». Я ей по-доброму позавидовала – мой восторг от Китая длился примерно столько же, и я успела за это время написать свою первую книгу «Поднебесная страна». Тот восторг, признаться, выветрился, но Китай – бурный, разнообразный, стремительный, устремленный, ленивый, непонятный, сложный – этот Китай остался. И сегодня для меня загадок в нем не меньше (если не больше), чем когда я приехала сюда много лет назад. Можно ли привыкнуть к жизни здесь? В бытовом плане – несомненно, потому что жизнь эта удобна и приятна. Но ведь не только быт определяет счастье. А вот ко всем остальным аспектам местной жизни привыкнуть и приспособиться куда труднее. Хотя бы потому, что здесь мы, иностранцы, никогда не станем своими – лицо выдаст. Да, конечно, и в Европе или Штатах приезжему стать своим очень сложно. Но здесь это просто невозможно.

Может быть, именно поэтому я из года в год наблюдаю круговорот иностранцев: одни приехали – в восторге – другие подустали – «жизнь дорожает на глазах!» – третьи устали настолько, что лихорадочно пакуют чемоданы, приговаривая «никогда больше!» Но большинство сходятся во мнении, что «лучшие времена» для иностранцев в Китае прошли и, скорее всего, безвозвратно. Пандемия коронавируса не стала их причиной, но ускорила многие процессы. С одной стороны,

Поднебесная закрылась от внешнего мира (о, здесь умеют строить стены!), с другой, к иностранцам стали относиться с подозрением: пропаганда работает на полную мощь, сообщая, сколько случаев ковида привез каждый самолет. О том, что большинство этих случаев – граждане КНР, умалчивают (о, китайцы знают толк в пропаганде).

Иногда Китай кажется мне испытанием – себя на прочность, дружеских связей на выдержку. Мы можем закалиться, обрести не подверженную никаким погодам веру в себя и хитроватый китайский прищур, станем с иронией смотреть на окружающий мир и свое отражение в зеркале, писать друзьям письма с полунамеками и недомолвками, не покупать все «слишком китайское» и разучимся пить черный чай, заменив его зеленым. Или будем страдать от обилия китайских лиц на улицах, непонимания языков и нравов. Но и при том, и при другом развитии событий дело только в нас самих. И в выборе, который мы совершаем каждый день. И в круговороте, в который окунаемся. И из которого выходим обновленными – как правило.

В этой книге мы будем разбираться с загадками, стереотипами и делать открытия. Я расскажу о том, что это за удивительный опыт – жить в Китае иностранцем. Это значит постоянно слышать за спиной шушуканье «Лаовай, лаовай!» и быть готовым к тому, что это звание (совсем, между прочим, не почетное) с собой несет – желание прикоснуться, поговорить и обсчитать. Добро пожаловать в Китай, который я

узнала и полюбила!

Мы у них

Блондинка в Пекине. Всегда приключение

Никогда не стать своим

Когда долго живешь в Китае, с завидной регулярностью читаешь в газетах и журналах материалы на одну и ту же тему – как правило, восторженные и удивленные. Тема, восторг и удивление – категория постоянная, имя автора (всегда иностранца) меняется. Все понятно: новенький. Я тоже помню, с каким трепетом встречала свой первый праздник Сере-

дины осени и не могла понять, почему некий иностранец написал в газете, что вопрос юебинов (это так лунные пряники называются, которые положено в этот праздник есть) на самом деле волнует только в первый год в Китае. Но на второй год, а уже тем более на третий и остальные, оказалось, что он был прав: вот ПРАЗДНИК Середины осени, вот повсюду юебины, а мне до них и дела нет – даже не попробовала. Хотя, признаться, само событие не пропускаю: *в праздничную ночь Луна действительно самая красивая в году, и я понимаю китайцев, которые уже пару тысячелетий собираются вместе, чтобы полюбоваться ночной красавицей.* Мы тоже любовались – собрались у друзей на балконе и высматривали Луну. Небо было все в тучах, и казалось, что в этом году мы останемся без бодрящего лунного света. Но нет: вышла красавица, пробилась. Радость. Вам это, может быть, покажется наивным и излишне сентиментальным, но это так: все мы становимся сентиментальнее. С годами, прожитыми вообще, и с годами, прожитыми вне исторического дома.

Может быть, поэтому иностранцев, живущих в Китае, хоть и много (счет идет на сотни тысяч), но большинство после нескольких лет разъезжаются по свету дальше – кто-то возвращается на родину, кто-то перемещается в другую страну. Мы все больше становимся похожими на кочевников, не способных подолгу задерживаться на одном месте – все время спешим, все время боимся что-то пропустить, куда-то опоздать...

«Самая востребованная профессия современности – эмигрант», – говорит со знанием дела мой приятель Луис Кастанеда: он много лет живет в Майами, как и большинство кубинцев, ускользнувших с родины. В том, что он именно «ускользнул», я не сомневаюсь: за годы нашего знакомства он так и не признался, как оказался в США. Но постоянно печалится о том, что практически весь его пленочный фотоархив, а он знаменитый фотограф, остался на родине, которую он, приближающийся к восьмидесяти, уже не надеется увидеть. Грустит? Конечно. Но у него принципиальные разногласия с братьями Кастро и теми, кто пришел после них, поэтому он одиночкой живет в Майами, говорит, что терпеть не может и этот город, и приютившую его страну, но менять уже ничего не будет: поздно. Луису я сочувствую, но насчет профессиональных эмигрантов не соглашаюсь.

На мой взгляд, эмиграция в своем классическом виде – со сменой гражданства и невозможностью вернуться на родину – дело пусть и не далекого, но прошлого. Сейчас востребована совсем другая форма, когда люди считают себя не эмигрантами, а экспатами – теми, кто живет за пределами исторической родины. Гражданство обычно не меняют, а просто живут там, где интереснее и легче заработать. Практически все мои пекинские друзья – экспаты. На вопрос: «Вы здесь надолго?» никто не отвечает, что навсегда. Говорят: «Пока не знаем» или «Как с бизнесом дела пойдут», и живут десятилетиями, покупают дома, машины и квартиры, учат де-

тей в иностранных школах, но при этом даже не пытаются влиться в местную среду (хотя языком владеют почти все) или почувствовать себя частью страны, в которой живут.

Случается, все же уезжают. Может быть, устают от состояния временности. Одни знакомые уехали в Новую Зеландию – и стали-таки профессиональными эмигрантами, по чисто экономическим причинам: жить там, говорят, лучше. Но это только если есть хорошая работа. Потому как если работы нет, то и источников существования тоже нет, а в этом случае никакие красоты нетронутой природы тебя не вдохновляют. Другая пара вернулась домой в Москву – главу семейства, талантливого программиста и организатора, взяли на работу в «Майкрософт»: зарплата высокая, условия жизни прекрасные, к тому же родной город.

До этого прожили десять лет в Венгрии и почти четыре года в Китае. Проводили домой в Киев семейную пару, покинувшую Пекин после 18 лет проживания. Они были первыми, кто почувствовал: условия для ведения бизнеса ухудшаются, зарабатывать, как раньше, иностранцу уже невозможно, а жизнь на съемной квартире, когда в Киеве пустует собственный дом (построенный на заработанные в Китае деньги) стала не только утомлять, но и раздражать. Так что в основе жизни экспатов – все-таки деньги. И рыба ищет, где глубже, и человек, где лучше. Обычная история.

Русскоязычные китайские экспаты, как мне кажется, отличаются от тех, кто живет в Лондоне или, например, в Че-

хии. На улицах Карловых Вар тебя легко (и отборно по-русски) обхамят на парковке, в Пекине это немыслимо. Я все думала – почему? И, кажется, нашла ответ.

Большинство пекинских русскоязычных экспатов (сотрудников посольств и прочих государственных учреждений в расчет не берем) из разряда людей, самих себя сделавших. Они приехали из городов российского Дальнего Востока, имея в качестве стартового капитала желание заработать и (часто, но не всегда) знание китайского языка. Многие начинали бизнес в чужой стране с нуля и все, что у них есть сегодня, заработали сами. Как, кстати, и многие нынешние китайские миллионеры, поднявшиеся на волне реформ и экономической свободы. Лет 25–30 назад, когда большинство русскоязычных начинали свой бизнес в Китае, рынок был почти пуст, и на одном чартерном рейсе, который перевозил челноков с закупленным товаром из Тяньцзиня в Киев, можно было заработать по-настоящему много. С тех пор ситуация сильно изменилась, но отношения между людьми сохранились.

Принцип экстерриториальности – большое преимущество. Он дает ощущение свободы и возможности жить, как хочется. И даже если это только иллюзия, многим она по вкусу.

Меня зовут лаовай

«Лаовай, лаовай», – шушукаются у меня за спиной или говорят, глядя в глаза. Я привыкла – меня здесь так зовут. Это вообще интересная штукавина: как зовут иностранцев за границей. В Таиланде, например, белых называют фарангами, чаще всего имея в виду людей европейского происхождения. Мы вот граждан США часто презрительно обзываем «америкосами». Как известно, британцы так же презрительно-снисходительно называют своих соседей французов «лягушатниками», а французы, не оставаясь в долгу, зовут британцев (или только англичан?) «ростбифами» за красный цвет лица, вызванный любовью к мясу и пиву. Так что ничего удивительного в том, что и у китайцев есть прозвище для иностранцев, нет. Но почему именно так?

Издревле китайцы называли иностранцев «фань», что означает «чужеземец» и «и» – тоже чужеземец, но уроженец Востока. При династии Цин (1644–1911) во времена Первой опиумной войны (1840–1842) и последующих агрессий иностранных государств появилось новое название, рожденное, сами понимаете, не лучшими впечатлениями от встречи с зарубежными подданными. Знакомство с ними назвали «и хуань» – «бедствие, причиненное чужеземцами».

Китай для иностранцев долгое время был закрыт, но его несметные богатства манили и не давали спокойно спать. Во-

енная эскадра помогла открыть столь долго запертые ворота великой Поднебесной и силой заставила китайцев знакомиться с иностранцами, которых со временем стали называть «янъи» и «янжэнь». В этих прозвищах нет эмоций – только констатация факта: «заморские люди».

Во время Боксерского восстания 1900 года, когда его участники ихэтуани уничтожали всех иностранцев и даже китайцев, принявших христианство, европейским пришельцам дали новое прозвище – «ян гуйцзы», или «заморские дьяволы». Между прочим, многие иностранные старожилы утверждают, что самое распространенное сейчас словечко «лаовай» означает тех же «дьяволов» и несет все тот же презрительно-обидный оттенок. Но на самом деле это не так или не совсем так: по содержанию – точно не несет, а вот эмоционально – может быть. Иногда. Частенько.

После войны и образования КНР, когда страна была на подъеме, а помогали ей в этом многочисленные советские специалисты, иностранцев стали называть «вайго лао», что означало «человек из другой страны». Потом появилось еще одно название с тем же смыслом – «вайго жэнь». Китайцы – «Чжунго жэнь», мы – «вайго жэнь». Нормальное такое выражение, хочешь уточнить, из какой именно страны, уточни – «Байэлосы жэнь», мол, я из Беларуси или – «Элосы жэнь», из России.

Термин же «лаовай», которое шелестит за спиной каждого, кто приезжает в Китай издалека или задерживается здесь

надолго, появился в 1980-х годах. В этом термине «вай» – сокращение от уже известного «вайго жэнь», а «лао» (пожилой, уважаемый, почтенный) – вежливое слово, которое традиционно добавляют перед именем человека в знак уважения. Когда в Китае кому-то говорят Лао Чжан (в дословном переводе – «старый, почтенный» Чжан, где Чжан это фамилия), это располагает к доверительности и душевности.

В общем-то, в самом слове нет ничего плохого, и когда я сама себя называю «лаоваем», у моих китайских друзей это вызывает приступ веселого хохота, который способен растопить любое, даже самое холодное, сердце (а у меня сердце горячее, и дополнительно растапливать его не нужно). Потому что такое самоназвание означает, что я и понимаю, и принимаю правила игры. Да, я лаовай в чужой стране, но чувствую себя здесь хорошо и комфортно, меня вполне устраивает быть «почтенным иностранцем» и жить по принятым в этой среде правилам. В конце концов, я всего лишь в гостях, правда?

Женщина или красавица?

Если вас, как и меня, корбит обращение по половому признаку – «девушка, женщина, мужчина, пробейте талончик», то сейчас я пишу именно для вас. Вам ведь интересно – а как там у них, в Поднебесной? Было похоже, но ситуация меняется, и к представительницам прекрасного пола об-

ращаются все больше «мэйню», красавица. Мне, честно говоря, в нашем общественном транспорте было бы приятнее услышать, что я «красавица», чем просто «женщина». Хотя, конечно, и тут можно найти нюансы: когда тебя называют «девушкой», воспринимаешь это почти комплиментом – ха, есть еще порох в пороховницах! Но все равно приятнее, когда продавцы в магазинах, контролеры в автобусах, коллеги и просто прохожие говорят «мэйню» – понимаешь, что запасы в пороховницах практически неисчерпаемы. Хотя оболыщаться все же не стоит: «красивой женщиной» в Пекине и других уголках Поднебесной называют всех, в этом обращении не осталось ни тени оценки или комплимента – просто слово. Но мы же все хорошо знаем, что ласковое слово приятно не только кошке, но и каждой из нас. Наговори нам комплиментов – и мы уже ручные.

Раньше обращение «красавица» на улице или пляже на русском языке почти всегда произносилось с заметным акцентом. Помню, много лет назад отдыхала в абхазской Пицунде – уже на второй день от «красавицы» и «дэвушки» буквально вздрагивала. Но совсем не от радости или удовольствия – наоборот. Ну, да что мне вам рассказывать: бывали – сами знаете. Во многих местах Турции эта ситуация сохранилась практически без изменений. Поэтому там, как и в некоторых других странах Востока, обращение «красавица» воспринимается не столько как комплимент, сколько как посягательство. Не радует, а настораживает и напрягает.

Но Китай, хоть на карте и восточно расположен, но все же совсем другой. Если ищите классический Восток или не менее классическую Азию, вам точно не сюда. Это отдельный континент. *Здесь обращение «красавица» не настораживает совершенно. Правда, и как комплимент не воспринимается. Но лично мне больше чем «мэйню» – красивая женщина – нравится «гуня» – красивая девушка. Игра нюансов и оттенков, но если бы у меня был выбор, я бы предпочла быть «гуней».* Однажды в Пекине провели опрос продавцов, и выяснилось, что покупательницы охотнее тратят деньги в тех магазинах, где их называют «гунями», а не там, где «мэйню».

Но это сейчас. Уж если мы признаем, что Китай – это другой Восток и другая Азия, то, значит, помним, что на многие десятилетия разница между полами здесь целенаправленно стиралась. Все ходили в одинаковых костюмах «а ля товарищ Мао», единственное разнообразие, которое допускалось, было в цветах – синий, зеленый или серый. Но, опять же, все три были допустимы и для мужчин, и для женщин – никаких половых различий. Ну и прически были одинаковыми для всех: кстати, и товарищ Мао, и его «верная собака» (она сама себя так потом называла в суде) жена Цзян Цзин стриглись одинаково. Наверное, удобное было время для парикмахеров, не то что сейчас – думай, как сделать так, чтобы каждый твой следующий клиент отличался от предыдущего. Так что, сами понимаете, и обращение к женщинам в то время было соответствующее, вне пола и возраста – «тунчжи», то-

варищ. Потом появилось обращение «сяоцзе», сестра. Женщин, кстати, перестали называть товарищами после того, как в стране был дан старт политике реформ и взят курс на демократизацию. Вот такая любопытная связь.

С «сяоцзе» все оказалось сложнее. Обращения «сестра» и «брат» в Китае вообще очень распространены с давних времен. И если «брат» востребован сегодня так же, как и двадцать, и пятьдесят, и даже двести лет назад, то «сяоцзе» требует более бережного обращения. Как-то так вышло, что во многих регионах страны так принято обращаться к женщинам... как бы это сказать... сомнительного морального облика. Поэтому если еще буквально десять лет назад все пекинские официантки вполне нормально откликались на «сяоцзе», то сегодня многие возмущенно шипят (хотя, конечно, на призыв подходят): «Я вам не сяоцзе!» Поэтому официантов (и женского, и мужского пола) принято подзывать неблагозвучным для русского уха, но совершенно нормальным для китайского словом «фуя», в дословном переводе – «обслуживающий персонал».

...А у нас по-прежнему – по половому признаку. Но что придумать взамен? Мне нравятся, например, «барышня» или «сударыня», хотя от «красавицы» я, пожалуй, тоже не откажусь. Полуправда, приправленная умелой лестью, по-прежнему творит чудеса.

В личное пространство вход разрешен

Раньше, когда я читала о жалобах звезд кино, эстрады и футбола на всякое отсутствие личной жизни или слишком настойчивые вторжение папарацци в их постель, думала: а что ж вы хотели? За славу нужно платить, в том числе и частной жизнью. Куда бы ни отправились звезды – их видят, за ними ходят, к ним стараются прикоснуться (в прямом смысле тоже). Побывать в одиночестве – роскошь, для известных людей почти недоступная.

Как-то один китайский вебсайт опубликовал номера частных мобильных телефонов практически всех известных людей местного шоу-бизнеса. Что тут началось!.. Звездам звонили и слали SMS сообщения: кто-то восхищался, кто-то говорил о любви, но были и такие, что грозились убить. Звезды сплотились и потребовали немедленно убрать свои телефоны из интернета, а еще пригрозили подать в суд на вебсайт и компании, которые предоставляют услуги мобильных телефонов (откуда, мол, утечка?).

Но то – звезды, а на кого подать в суд мне, когда по всем моим телефонам звонят незнакомые люди, которые не признаются в любви (жаль) и не грозятся убить (а вот это слава богу), но настойчиво предлагают что-то у них купить, куда-то к ним приехать – это, мол, сделает меня счастливой? Я ведь не звезда, живу пусть и в некотором смысле публичной,

но не самой заметной жизнью.

Личная жизнь и личное пространство – понятия, Китаю практически неизвестные. Вы замечали, что, разговаривая с незнакомыми людьми, всегда стоите от них на некотором расстоянии? Подойдет такой человек поближе – вы ощутите дискомфорт. Это и есть личное пространство – невидимый круг, который мы мысленно очерчиваем вокруг себя, барьер, который защищает от чужого мира. Близкие люди на то и близкие, что допускаются в прямом смысле ближе – и нам это приятно.

В Китае таких кругов нет. *Захожу в магазин и слышу странный звук – ш-шлёп! – и на моих черных туфлях уже примостился сгусток коричневого обувного крема, который спешно растирают продавцы.* Это они так свой товар рекламируют – в действии. Как, вы не хотите купить этот чудо-крем, после которого ваша обувь засияет новыми оттенками? Нет? Ну, идите дальше. А то, что туфли и настроение безнадежно испорчены, кому до этого есть дело?

Ладно – туфли. Так ведь с лицом то же самое! Я мимо косметических отделов пробегаю трусцой – чтобы не попасться в руки очаровательным девушкам, которые здесь торгуют. Потому что как-то такая девушка – плясь! – и примостила на моей щеке некий крем. Говорила, что очень хороший, что теперь моя кожа будет молодой и шелковистой. Потащила за руку к столику, где – не успела я и глазом моргнуть – а под ним уже красуется листочек, пропитанный специаль-

ной маской для глаз, а в руки втирается отшелушивающий крем. Напротив сидел мужчина из Пакистана и выглядел совершенно счастливым – с масками на лице и симпатичными девушками, которые за ним трепетно ухаживали.

Это и есть разница культур. Я такое поведение считаю непрошеным вторжением в мою личную жизнь, а китайцы и товарищи из соседних стран воспринимают как нечто само собой разумеющееся.

Про то, как хватают за руки на рынках, и говорить нечего – это часть игры. Ты пытаешься уйти от продавца, а он или она крепко хватает тебя за руку, и процесс торга начинается по новой. Попытаешься освободиться от сдерживающей руки – обидится.

Мой коллега из Польши рассказывал, как трудно ему было в отдаленной деревне, куда он приехал с приятелем-китайцем. Толпа местных жителей следовала за ним повсюду: активно обсуждали, как и что он ест, дотрагивались до одежды, рук и волос. Но больше всего неудобств приносили походы в ...туалет, потому как это место общего пользования. Любопытные местные жители его сопровождали и там – ну, интересно же посмотреть, как у всех этих иностранцев устроено! Вдруг какие отличия?

Коллега из Бельгии вышла замуж за китайца. В первую брачную ночь, которую молодожены решили провести в доме мужа в небольшом городке провинции Шаньси, к ним буквально вломились активисты соседского комитета, кото-

рые решили, что иностранка находится на их территории незаконно. Вызвали полицию. Полночи ушло на то, чтобы доказать законность пребывания Карлы в доме. Ну, какая после этого брачная ночь?

Коллективизм у китайцев в крови, что неудивительно. территории мало – людей много, все на виду. Личная жизнь под контролем соседского комитета, интимная жизнь до самого недавнего времени под контролем Комитета по планированию семьи.

Сегодня у нас, да и во всем мире, много говорят об одиночестве – хорошо это или плохо, говорят даже, что модно: наступил, мол, век одиночества. В Китае об этом не знают.

Журналистика с китайской спецификой

Сегодня я почувствовала себя почти всемогущей – приятное чувство, знаете ли. Редко случается, но все же... Нет, не думайте, что у меня мания величия или что я что-то такое о себе возомнила... я это не сама придумала, честное слово. Об этом много говорили на семинаре для иностранных журналистов перед Олимпиадой.

Приезжали важные чиновники из Международного олимпийского комитета и известные в мире журналисты, которые специализируются на освещении олимпиад – последних лет 20–25 ничем, кроме спорта и олимпиад, не интересуются и ни о чем другом не пишут. В общем, достойное, конечно,

занятие: не так много осталось в мире вещей, где человек действительно может стать лучшим, а вот в спорте – пожалуйста.

Да, так насчет всемогущества. Об этом с трибуны заявляли те самые спортивные журналисты – мол, успех или неуспех любой Олимпиады зависит от нас, журналисткой братии. Как порешим – так и будет, а потому нас нужно любить, холить и лелеять.

Честно говоря, посыл для меня несколько новый и не так чтобы очень ожидаемый. Я-то, наивная, до сих пор полагала, что наша задача – максимально объективно отражать реальность, ну и личный взгляд изложить в колонке «Мнение» (в новостях – ни-ни), но чтобы от нас действительно зависел успех/неуспех такого грандиозного события, как Олимпиада...

Потом за чашкой кофе мы общались с «всемирно известными», которые оказались вполне земными людьми. Оказавшись в Пекине впервые, расспрашивали, как мы тут работаем: трудно нам, наверное, с китайцами.

На такие вопросы (они не первые, кто спрашивает) у меня заготовлен стандартный ответ: тому, кто родился в Советском Союзе, почти ничего не страшно. Советская закалка – отличная вещь, очень помогает. Я, в отличие от моих западных коллег, знаю правила игры и знаю, каким нужно следовать, а на какие можно и внимания не обращать. Возьмите, к примеру, такую элементарную вещь как спутниковая тарелка.

ка. В принципе, официально тарелки ставить нельзя. Но все ставят! В моем жилом комплексе – тарелка на тарелке. Ну и мы не отстаем – поставили, смотрим российские программы: кому от этого плохо? Собираемся ставить вторую – чтобы международные спортивные каналы смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.